

С. В. Кондракова (г. Минск, Беларусь)

КОНТАКТНАЯ И ДИСТАНТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ВАЛЕНТНОСТИ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ

Включение субстантивированных причастий с присущими им системно-парадигматическими свойствами в синтагматическую сферу осуществляется по их частеречному статусу, но при этом и в значительной степени на основе валентности лежащих в их основе глаголов.

Известно, что реализация валентности глагола создает структуру предложения. Когда говорится о валентности имени, то имеется в виду, что диапазоном для ее проявления является синтаксическое словосочетание в виде соответствующей субстантивной группы. Актанты-реализаторы именной валентности, входя в предложение через стержневое существительное группы и находясь в позиции при нем, не имеют релевантности для общей структуры предложения, в то время как сами отглагольные имена являются в этой структуре актантами предикатного глагола, выступая в любой позиции, т. е. в функции любого члена предложения.

Специфическое проявление валентности девербативов и состоит в том, что, с одной стороны, в соответствии с частеречной принадлежностью к существительному, им присущи валентностные сопроводители в синтаксической функции определения; с другой стороны, в соответствии с исконной глагольностью самого словообразовательного типа, внутри общей атрибутивной позиции отражаются различные объектные и обстоятельственные отношения. Именно этими отношениями формируются указания на место, время, условие, причину и другие обстоятельства, имплицитные в атрибутивной функции.

Если при глаголе реляционная валентность связана с субъектной и объектной позициями, т. е. включает собственно субъектное и объектное отношения, то при существительном она включает лишь отношение «определяемое – определение». Доказательством являются нижеприводимые примеры:

- *Vorsitzender des Staatlichen Komitees für Filmwesen* – в атрибутивной группе при субстантивированном причастии-деятеле реализуется не только объект, но и его внутренний актант, как демонстрирует трансформация: *Jemand (Vorsitzender) leitet das Staatliche Komitee; das Komitee arbeitet zugunsten des Filmwesens;*

- *seine Mitfahrenden an diesem frühen Morgen* – атрибутивная группа при субстантивированном причастии содержит актант обстоятельства времени, что подтверждается трансформацией: *Er fuhr; bestimmte Personen fahren mit; sie fahren alle an diesem frühen Morgen;*

Субстантивированное причастие как представитель категории отглагольных существительных обладает «универсальными синтаксическими потенциями», будучи способно, во-первых, заполнять практически все «пустые

места» (Leerstellen), которые открывает финитный глагол в предложении; во-вторых, реализовать свою валентность в качестве определения в контактной позиции с определяемым девербативом.

О дистантной реализации валентности субстантивированных причастий возможно говорить только в связи с контекстом более широким, чем контекст высказывания. В тексте связи определяются текстообразующей категорией *когезии*, а она обеспечивает не просто формальное сцепление, но и логическую последовательность, темпоральную или пространственную взаимозависимость фактов, действий и пр. Когезия создает тем самым и пресуппозицию, поскольку относит нечто по связи к тому, что было раньше.

В контекстуальном поведении субстантивированных причастий очень важно, чтобы в рамках когезии имело место однозначное соотнесение имени с его актантом. Это может происходить при непосредственной предупомянутости актантов, т. е. за счет пресуппозиции, например:

*Damals war ich es gewesen, der jemand anderen verletzt und versetzt und alleine gelassen hatte, eine andere, dritte Person. Und damals war es gewesen, dass ich überrascht sah, wie das **Verlorene** im Abschied noch einmal zu einem zurückkehrt* [1, с. 17].

Субстантивированное причастие *das Verlorene* оказывается здесь номинализированным результатом действия, о котором сообщается в предыдущей информации (*ich habe jemand anderen verletzt, versetzt, alleine gelassen*).

Подобный случай употребления наблюдается и в следующем фрагменте:

*In Pisa habe am Vormittag ein Postbeamter im dritten Stock der Hauptpostamtes sein Gehalt abgeholt und sei anschließend mit dem Fahrstuhl ins Erdgeschoss gefahren. Durch einen technischen Defekt blieb der Lift im Parterre nicht stehen, fuhr in den Keller weiter, wo, nach einem Wolkenbruch, das Wasser drei Meter hoch stand. «Hilfe! Holt mich hoch!» hatte der **Eingeschlossene**» gerufen* [2, с. 69].

Субстантивированное причастие *der Eingeschlossene* воплощает семантику результата действия, описанного до этого (*Durch einen technischen Defekt blieb der Lift im Parterre nicht stehen*).

В обоих примерах фактически представлена дистантная реализация валентности, причем расстояние между носителем валентности и его актантами невелико. Но в принципе оно может быть гораздо большим, и в специальных исследованиях указывается на то, что объект действия может предупоминаться в более широком контексте, он может быть даже забыт, но «восстанавливается условиями контекста, “оживая” в памяти адресата» [3, с. 108]. Например:

Um uns herum explodierte alles, ich blutete, aber ich wusste nicht, wo ich getroffen worden war. Ich lag da im Dreck und wartete auf die nächste Kugel.

Затем через 18 строк сообщается:

*Er ging weiter, immer weiter, irgendwann erreichte er seine Einheit, sie schickten ihn zusammen mit anderen **Verletzten** und Toten zurück nach Amerika* [4, с. 92].

Субстантивированное причастие создает линию корреляции с действием, имевшим место ранее и имплицитно соотносимым с глагольным сказуемым *wurde getroffen*, но уже через значительный текстовый интервал.

Все вышеизложенное подводит к некоторым обобщениям: во-первых, субстантивированные причастия, обладая свойством валентности, допускают ее реализацию не только контактно, но и дистантно-контекстуально; во-вторых, дистантная реализация валентности оказывается уже явлением текста, поскольку она «программируется» самим текстообразованием, причем актанты могут выступать на малом или на значительном расстоянии от носителя валентности (через несколько строк или даже несколько страниц текста).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kelling, G. Jahreswechsel* / G. Kelling. – Frankfurt a. Main : Suhrkamp Verl., 2004. – 167 S.
2. *Jungk, P. S. Die Unruhe der Stella Federspiel* / P. S. Jungk. – 2. Aufl. – München : Paul List Verl., 1996. – 242 S.
3. *Черкас, М. А. Функционально-семантический статус отглагольных имён деятеля в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04* / М. А. Черкас. – Минск, 1985. – 215 л.
4. *Der Spiegel*. – 2005. – 11.07. – № 28.

Т. К. Кохнович (г. Минск, Беларусь)

МОЛЧАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ

Молчание выступает предметом изучения самых разных наук: теологии, культурологии, философии, литературоведения, лингвистики. Исследования, посвященные различным аспектам молчания, стали появляться в лингвистике в начале 90-х г. XX в. в связи с развитием коммуникативного подхода к языку, в частности, к невербальным средствам коммуникации.

При исследовании молчания следует различать смежные с молчанием понятия: тишина, пауза, хезитация, неговорение, умолчание. Состояние молчания, возникающее в процессе общения следует отличать также от молчания, сигнализирующего об окончании речевого контекста. С точки зрения семиотики в лингвистике отмечаются случаи ритуального молчания, случаи стереотипного молчания: обиженно молчать, смущенно молчать.

Анализ научной литературы позволяет отметить три подхода в изучении молчания: философский, религиозный и лингвистический. Наиболее полно молчание получает свой смысл в рамках речевой коммуникации. С. В. Крестинский отмечал, что молчание является формой внутренней речи: отказываясь от звуковой речи, человек не перестает мыслить. Этот отказ может быть намеренным или ненамеренным, может быть вызван различными факторами психологического и социального характера, условиями и нормами соответствующего окружения [1, с. 74–79]. Таким образом, молчание является знаком стоящего за ним содержания, которое слито с молчанием.